

**ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ПРАВА И РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
(НА ПРИМЕРЕ ИСЛАМА И ДРУГИХ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ)**

- Смирнов
Вильям
Викторович** кандидат юридических наук, доцент, заведующий сектором теории права и государства, Институт государства и права Российской академии наук (119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10).
E-mail: wvsmirnov@gmail.com;
- Агамиров
Карэн
Владимирович** кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора теории права и государства, Институт государства и права Российской академии наук (119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10).
E-mail: agamirow@yandex.ru;
- Габрелян
Эмиль
Вачаганович** кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора теории права и государства, Институт государства и права Российской академии наук (119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10)
E-mail: g.e.v@list.ru;
- Дидикин
Антон
Борисович** доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора теории права и государства, Институт государства и права Российской академии наук (119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10).
E-mail: abdidikin@bk.ru;
- Доровских
Елена
Митрофановна** кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора теории права и государства, Институт государства и права Российской академии наук (119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10).
E-mail: dorovelena@yandex.ru;
- Лапаева
Валентина
Викторовна** доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора теории права и государства, Институт государства и права Российской академии наук (119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10).
E-mail: lapaeva07@mail.ru;
- Орлова
Ольга
Викторовна** кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора теории права и государства, Институт государства и права Российской академии наук (119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10).
E-mail: postorlova@yandex.ru;
- Плигин
Владимир
Николаевич** кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора теории права и государства, Институт государства и права Российской академии наук (119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10).
E-mail: plvlad1@mail.ru;

- Поленина
Светлана
Васильевна** доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора теории права и государства, Институт государства и права Российской академии наук (119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10).
E-mail: s.polenina@mail.ru.
- Скурко
Елена
Вячеславовна** кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора теории права и государства, Институт государства и права Российской академии наук (119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10).
E-mail: skourko@mail.ru;
- Старцун
Виктор
Николаевич** доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора теории права и государства, Институт государства и права Российской академии наук (119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10).
E-mail: startsun_@mail.ru;
- Супатаев
Мурат
Абдыкасимович** кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора теории права и государства, Институт государства и права Российской академии наук (119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10).
E-mail: supataev@list.ru

Аннотация

В статье исследуются различение и взаимодействие правовых и религиозных норм, роль мировых религий в развитии правовых систем современных государств, особенности мусульманской правовой доктрины и значение мусульманского права в межкультурной коммуникации. Так как ислам является важным фактором современного мироустройства, необходимо развивать диалог с его нормативно-правовыми традициями и разрабатывать соответствующие требованиям времени основания межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: *право, религия, различение и взаимовлияние правовых и религиозных норм, соционормативная система, ислам, мусульманское право, шариат, фикх, исламские финансы, межкультурная коммуникация.*

О различении правовых и религиозных норм

Концепция объяснения взаимодействия права и религии в любой соционормативной системе должна базироваться на четких теоретико-методологических критериях дистинкции (различения, распознавания) религиозных и правовых норм, дифференциации религии и права как социальных регуляторов. Именно представление и понимание критериев дистинкции религиозных и правовых норм позволят представить развитию теоретическую интерпретацию взаимодействия права и религии. В случае же отсутствия критериев существуют серьезные риски постоянного смешения права и религии, то есть деформации теоретизирования в вопросе соотношения права и религии.

В тезисном режиме можно представить несколько версий различения правовых и религиозных норм. С точки зрения легистского подхода, основным критерием различения правовых и религиозных норм будет выступать государственная воля. Если норма установлена или санкционирована государством, обеспечена его принудительной силой, то она аттестуется как правовая. Другие традиционно обозначаемые в легизме критерии отграничения правовых норм от иных социальных, в том числе религиозных норм, – формальная определенность, объективность, степень и характер детализации – являются с точки зрения этого подхода техническими и вторичными, а с учетом знания сложности процесса «правоприменения», сопровождающегося восполнением (преодолением)

пробелов, решением коллизий и постоянным толкованием, говорят скорее о самонадежности представителей юридической профессии, культивирующих и идеализирующих «закон».

С точки зрения социологического подхода, социальные нормы, регулирующие, к примеру, отношения внутри общины верующих (например, нормы заключения и расторжения брака), будут образовывать «правовой режим меньшинства», который включает как правовые нормы, так и механизмы для их институционализированного применения. При этом правовой режим меньшинства может обладать большей легитимностью, чем законодательство [1, с. 294 – 295]. Соответственно, в рамках социологического подхода правовой считается любая норма, обладающая достаточной и эффективной регулятивной способностью. Как отмечается в исследованиях, всякая социальная норма, достигшая определенной степени эффективности, есть норма права для тех групп или слоев социальной среды, которые ее признают и в принципе соблюдают [2, с. 47].

С позиции либертарно-институционального подхода различие правовых и религиозных норм будет базироваться на понимании права как одного из двух основных конкурирующих принципов социокультуры и как построенный на этом принципе тип социальных институтов, обеспечивающих свободные обмены и защиту от агрессивного насилия [3, с. 194 – 227]. В этом случае критерием различения правовых и неправовых норм выступает принцип права (формальное равенство, или равенство в свободе), выводимый рационалистическим путем на основе аксиомы самопринадлежности и наблюдаемый в социальной практике. Вероятно, в таком случае правовые нормы поддерживают свободу в качестве высшей ценности, в то время как религиозные – не свободу (бог – высшая ценность религиозного сознания [4, с. 104], наивысшая религиозная ценность [5, с. 23]).

Право, мораль и религия – это наиболее важные социальные ценности, в которых в концентрированном виде проявляется природа человека как существа, обладающего разумной и свободной волей (свободной – прежде всего в выборе добра и зла). Эти три фундаментальные регулятивные системы имеют общий генетический корень – Золотое правило нормативной регуляции, сформулированное в Осевое время в религиозных и философских учениях Востока и Запада. Это основополагающее этическое правило, выражающее квинтэссенцию разумных начал человеческого общежития, имеет две формулировки – позитивную и негативную: «Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе» и «Не делай другим того, чего ты не хотел бы себе». Из этих двух простых этических максим и выросла вся суперсложная соционормативная система современного общества.

Но наличие общего этического корня, разумеется, не отменяет тот факт, что право, мораль и религия представляют собой, хотя и взаимосвязанные, но разные нормативные системы, выстроенные на принципиально разных основаниях. На поверхности эти различия проявляются в разной природе действующих в рамках этих систем санкций: в религии – кара небесная, в личностной морали – совесть, в общественной морали (нравственности) – общественное осуждение, в праве – наказание, обеспеченное государственным принуждением. Но за этими внешними различиями стоят разные регулятивные принципы.

Роль мировых религий в развитии права

Основные мировые религии, объединившие огромные группы людей на базе разных религиозных идеологий, каждая по-своему, внесли важный вклад в становление светской нравственности (общественной морали) и развитие права, создав таким образом факторы противодействия той разрушительной силе, которая изначально была заложена в самой религии как источнике религиозных войн. Долгое время право и мораль находилось в тени религии, которая в течение многих веков занимала доминирующие позиции в системе соционормативной регуляции. В Новое время под влиянием идеологии Просвещения право, трактуемое как естественное право человека, начинает отвое-

вывать соционормативное пространство у властного произвола феодальных суверенов и у морально-нравственных регуляторов, опирающихся на религиозную идеологию и церковную поддержку.

В этот период формируются секуляризованные, рационалистические версии естественного права, которые связывают право с разумной природой человека и рациональными основами его политической жизни, закладывая, таким образом, теоретические предпосылки для последующего разграничения права от морально-религиозных норм. Важнейший вклад в секуляризацию, рационализацию и гуманизацию естественно-правовой доктрины внесло этическое учение И. Канта, которое, как пишет Ю. Хабермас, состоит в том, что он провел «резкую границу между моральной верой религии разума и позитивной религией откровения, которая хотя и внесла вклад в улучшение человеческих душ, но со своими побочными установлениями, статутами и культовыми предписаниями в конце концов превратилась в ярмо» [6].

Следующей важнейшей вехой на пути духовного развития человечества стало зарождение мировых религий, которое частично (буддизм) пришлось на начало Осевого времени, но главным образом (христианство и ислам) – на более поздний период. При сей неоднозначности отношения различных религиозно-мировоззренческих систем к общечеловеческим идеям гуманизма нельзя не признать их огромный вклад в гуманизацию человеческой жизни. Рассматривая историю человечества с точки зрения формирования и развития культурных блокираторов агрессии, можно согласиться с тем, что зарождение мировых религий было в существенной степени обусловлено недоступностью элитарной античной рациональности массе рабов и варваров, оказавшихся на политической авансцене, и что «синтезировать достижения элитарного западного рационализма и демократической восточной мистики... было суждено христианству и исламу. Заплатить за это пришлось снижением интеллектуальных стандартов» [7, с. 193].

Если говорить о христианстве, возникшем за несколько веков до ислама и оказавшем определяющее значение на все последующее правовое развитие человечества, то его вклад в создание гуманитарного противовеса все более опасному технологическому могуществу можно свести к следующим основным моментам. Прежде всего, необходимо отметить, что христианские идеи милосердия и любви к ближнему существенно смягчили жестокость язычества, основанного на культе силы. Но главный вклад христианства в развитие права, его теории и практики, заключается в том, что оно распространило правовой принцип равенства на всех людей, включая рабов, и дало социальным низам надежду на справедливую компенсацию их нынешних невзгод в мире ином, где «будут первые последними, и последние первыми». Таким образом, христианская идея равенства людей перед Богом стала адекватным ответом на сформировавшийся к этому времени мощный социальный запрос.

Конечно, воздействие христианского мировоззрения на смягчение нравов носило неоднозначный характер. Как отмечает известный критик догматического христианства Б. Рассел, именно христианская религия, воспринявшая от иудаизма идею праведности и исключительности только своей веры и своего Бога, привнесла в древний мир религиозную нетерпимость [8, с. 123]. В воинствующей приверженности своему Богу, присущей сначала христианству, а затем и исламу, ярко проявилась партикулярность религиозного сознания, его ориентация не столько на общечеловеческие идеи гуманизма, сколько на специфически религиозные ценности, predeterminedенные догматами веры.

Весьма противоречивым было и влияние христианства на ключевую для античной философии права идею справедливости как равенства, поскольку христианство привнесло в сферу нормативной регуляции целый ряд ограничений и привилегий, устанавливаемых по религиозному основанию. И хотя христианское мировоззрение сгладило языческий характер аристотелевской распределительной справедливости «по достоинству», ориентированный на учет лишь таких достоинств, как статус свободного члена полиса, богатство и благородное происхождение, однако при этом была существенно ис-

кажена логическая чистота античной рациональности, поскольку справедливости был придан отчасти нравственно-религиозный оттенок милосердия, уводящий в сторону от идеи равенства. Отсюда и внутренне противоречивый характер христианских и сформировавшихся позднее на их основе светских теорий юснатурализма, не способных разграничить правовые и нравственно-религиозные начала. Тем не менее можно в целом согласиться с представлениями о том, что Святые книги, продиктованные Творцом, – это своего рода свод правил техники безопасности человечества, способствовавший формированию такого культурного кода, который блокировал наиболее опасные проявления агрессивности человеческой природы.

В последовавшую затем эпоху мировых империй духовный порыв Осевого времени был в существенной степени подавлен. Деспотическая власть правителей империй, лишаящая всех остальных ответственности за судьбу целого, неизбежно влечет за собой, писал К. Ясперс, глубокие деформации человеческой природы. Итогом создания великих империй стали стабильные в духовном отношении (т.е. лишённые порывов и прорывов), длительные исторические периоды «с нивелированной массовой культурой, с утонченной, но несвободной духовностью консервативных аристократий» [9, с. 82]. В этом плане весьма показательна трансформация, которая произошла с христианским мировоззрением, прошедшим путь «от идеи единой основы мироздания к идее единобожия, а затем и единовластия» [10, с. 81] и превратившимся из «религии рабов» в идеологию власть предержащих.

Право как нормативное выражение свободы человека, веками пробивавшее себе дорогу в борьбе с традиционалистской архаикой нравственно-религиозных норм, к настоящему времени оттеснило с ведущих позиций в соционормативной системе те нравственные и религиозные регуляторы, которые в течение многих веков гарантировали сохранение и устойчивость исходных ценностно-нормативных основ человеческого общежития. Причем современное западно-европейское общество уже так далеко продвинулось в деле защиты прав и свобод человека от традиционалистского произвола, что уместно ставить вопрос о том, не является ли утвердившаяся здесь «либерально-индивидуалистическая трактовка прав человека не вполне адекватной задачам социальной интеграции человечества?» [11, с. 235]. Более того, такая трактовка прав человека, продолжает эту мысль В.Д. Зорькин, уже нередко входит в противоречие с самим императивом выживания человеческого рода.

В последние десятилетия в пространство интеллектуальных дискуссий все увереннее возвращается религиозная тематика в ее теологическом осмыслении. Эта тенденция была легитимирована таким авторитетом, как Ю. Хабермас, который выступил с идеей постсекулярного общества и обосновал ее необходимостью обеспечить «цивилизованное обращение граждан друг с другом, несмотря на беспрецедентное разнообразие культур и религиозных мировоззрений?» [12]. Помимо этого прагматического соображения, он в разных работах развивает мысль о том, что современная философия имеет достаточно оснований «для готовности учиться у религиозных преданий», отмечая при этом, что «современное рациональное естественное право явилось... продуктом критической встречи с христианским естественным правом» [13, с. 65]. Библейские подсказки, подчеркивает автор, всегда питали и продолжают питать философский дискурс.

Таким образом, вопрос о том, нуждаются ли мораль и право в религиозном обосновании, от которого философия права, казалось бы, окончательно ушла после кантовской секуляризации морали (а соответственно, и права, поскольку в кантовской трактовке право имманентно связано с моралью), вновь рассматривается специалистами как «насущная экзистенциальная проблема нашего сегодняшнего бытия, имеющая ряд теоретических измерений метафизического, этического, теологического, социокультурного, антропологического характера» [14].

Тенденции и закономерности взаимовлияния правовых и религиозных норм

Отношение общества к праву и религии и то соотношение, которое между ними устанавливается, существенно различаются для разных обществ (а впоследствии – и государств), на различных этапах их истории и развития.

Распад СССР с последующей дезинтеграцией постсоветского пространства и спустя прошедшие годы не поддается однозначной оценке этого исторического события.

Хотя обострение национальных, или в современной терминологии межэтнических, отношений было одной из причин распада Союза ССР, вопросы национальной – социокультурной и конфессиональной, политики не стали, к сожалению, для многонациональной Российской Федерации определяющими на этапе демократизации общества. Между тем в условиях федерации ее полиэтничность и многоконфессиональность являются теми объективными факторами, которые непременно необходимо учитывать. От этого во многом зависит общеполитическая ситуация в государстве, его национальная (государственная) безопасность, стабильность его развития. Это связано прежде всего с отличительной чертой последних десятилетий – политизацией всех аспектов национальной жизни, в том числе и религиозно-конфессиональных отношений. Последние оказались в значительной степени вовлечены в орбиту политических процессов и во многом стали объектом политических манипуляций.

Религиозно-конфессиональные отношения, подчиненные общим для всей совокупности национальных отношений тенденциям развития, в то же время обладают специфическими свойствами и отличаются значительной самостоятельностью. Анализ правового регулирования в этой сфере по-прежнему представляет интерес, поскольку любая идея, облеченная в правовую форму, как правило, не заканчивает свое существование при обновлении законодательства, смене политического курса или даже при сломе социально-экономической формации. Большинство идей, будучи однажды сформулированы и в том случае, если они не получили или лишились своего правового оформления, способны «дождаться» второго появления в свет. Что касается религиозно-конфессиональных отношений, то и для них такой «ренессанс» уже наступил. Учитывая, что потенциал этих отношений неизмеримо глубок, следует предположить наличие не только позитивных, но и негативных тенденций в их развитии. Поэтому исследование указанных отношений как одного из значимых факторов, влияющих на развитие любого государства, не теряет актуальности для современной России.

На протяжении десятилетий советского периода развития России вокруг правового регулирования национальных отношений создавалась атмосфера полной и окончательной решенности всех связанных с этим проблем, а понимание исторических перспектив развития национальных отношений как неизбежного слияния наций, подкрепленное идеологической установкой на формирование новой исторической общности – советского народа, вело к полной маргинализации религиозного мировоззрения.

Отсутствие специального правового акта и необходимых конституционных норм, в совокупности формирующих правовой режим в области религиозно-конфессиональных отношений, адекватно отражало состояние и не менявшуюся направленность государственной политики. Таким образом, отсутствие правового регулирования уже само по себе стало способом регулирования этих отношений¹.

Наращение на рубеже XX – XXI веков прогрессирующей глобальной нестабильности дало не обоснованное основание выдвинуть широко распространившуюся концепцию «столкновения цивилизаций» как главной причины эскалации межэтнических и межконфессиональных конфликтов. При этом наиболее емкий конфликтный потенциал видят в исламе. Между тем история развития христианско-мусульманских взаимоотношений, развивавшихся на протяжении более 1000 лет на территории нашей страны, заслуживает особого внимания, поскольку говорит не только о противостоянии, но и о длительных периодах мирного сосуществования. В связи с этим особую значимость приобретает изучение российского опыта, в том числе и прежде всего опыта правового регулирования религиозно-конфессиональных отношений.

Как отмечает Л. Р. Сюкияйнен, «Ислам представляет собой не только религию, но и самостоятельную культуру, образ жизни и цивилизацию» [15], в которых, с обозначенной позиции, насколько можно судить, в том числе и право выступает пусть и в качестве неотъемлемого, однако лишь «одного из», «наряду с другими» элементами, о каком-либо обособлении которого, в известном плане, рассуждать в сущности оказывается бессмысленно и не слишком конструктивно.

Характерно, с этой точки зрения, что в тех культурах, где право оказалось исторически обособленно (в первую очередь, очевидно, это западноевропейская культура и традиция), религия – в историческом развитии данных обществ – точно также (имея в виду западную ветвь христианства, главным образом, в данном случае) «была в определенной степени обособлена от других сфер жизни и в средневековье, но только некоторые особенности нововременной эпохи позволили в полной мере осознать ее своеобразие, сделали возможным ее обособление как специфической «данности опыта», отличной от данности в опыте других сфер жизнедеятельности» [16, с. 6].

Следствием такого исторически сложившегося положения вещей стало, как представляется, и то, что были созданы условия, ситуации «дистанцирования от религии» в общей социальной практике соответствующих обществ, что, в том числе, по мнению специалистов, «благоприятствовало складыванию объектно-познавательного отношения к ней» [16, с. 6].

В этом плане, когда современная наука берется за изучение права и религии, их соотношения, следует понимать, что собственно методы такого рода исследования сами являются историко-культурно обусловленными, с одной стороны – предопределяя успех исследований – в рамках своей собственной культуры, однако, с другой стороны – составляя барьеры в понимании сущностных сторон проблематики отношения к праву и религии в различных обществах и культурах (а также различных государствах современности) – за пределами «западной традиции», в данном случае.

В мусульманских странах наблюдается ярко выраженная размытость границ между религиозными и правовыми нормами и в то же время огромное влияние религиозных постулатов на правовую и политическую системы мусульманского мира.

Важнейшей особенностью законодательства в этих странах является закрепление положения ислама как государственной религии (например, Алжир, Египет, Йемен, Катар, Марокко, Сомали, Тунис др.), хотя формально и закреплена свобода вероисповедания. В таких странах как Саудовская Аравия, Иран, Судан и Оман по-прежнему действует юридическое закрепление неравенства по религиозному признаку. Так, в Основном законе Саудовской Аравии закреплено требование – следовать только исламу и всячески препятствовать распространению других религиозных верований.

В некоторых странах наблюдается достаточно четкая тенденция к отказу закрепления на законодательном уровне религиозной веротерпимости. Вместе с тем в наше время наметились первые ростки (пока очень слабые) законодательного закрепления свободы совести в контексте прав человека. Например, в Конституции Бахрейна нашло закрепление «свобода изъявления религиозных чувств».

Если в решении политических проблем как правило на авансцену выступает мусульманское законодательство, в сфере же гражданских и семейных (частных) вопросов большую роль играют религиозные предписания.

Более того, в мусульманском мире не отрицаются права человека. С этой точки зрения представляет интерес Всеобщая исламская декларация прав человека (1981 г.). Однако права здесь понимаются не в русле западной их трактовки, а как обязанность подчиняться воле Аллаха. Это лишний раз подчеркивает единство государственного и религиозного начал.

На международном уровне действует Организация исламского сотрудничества, созданная в 1969 г. Нынешнее название эта влиятельная правительственная мусульманская международная организация получила в 2011 г. и объединяет 57 стран. Основной

целью данной организации является обеспечение солидарности во всех сферах жизнедеятельности.

Если проанализировать Устав Организация исламского сотрудничества, – это стремление к религиозному и духовному сотрудничеству, выражение солидарности в борьбе против расизма, выработка общей политики мусульманских государств.

Сотрудничество мусульманских государств построено на мировоззренческой религиозной основе. Причем это прослеживается не только на примере отдельных стран, но и на международном уровне, рассматривая религию как фактор государственного устройства. В таких странах как Кувейт, Иран государственная власть находится в руках высшего духовного представителя.

Принцип прижизненного воздаяния в мусульманском праве в социокультурном измерении

Мусульманская правовая доктрина избегает обобщенных правовых категорий и не дает однозначного теоретического определения наказания. Оно рассматривается разными авторами как установленное источником мусульманского права воздаяние (как правило, публичное) за нарушение сконцентрированной в запретах воли Аллаха с целью защиты интересов общества и пресечения последующих преступлений со стороны как виновного (специальное предупреждение), так и других лиц (общее предупреждение), состоящее в причинении преступнику физической боли (страданий) и ограничении его прав и свобод.

Таким образом, воздаяние в мусульманском праве носит прижизненный характер и отличается суровостью, ибо только через устрашение в качестве обязательного атрибута наказания достигается его цель – раскаяние и исправление преступника. Сакрализация наказания в мусульманском праве предопределяет его устремленность в эсхатологию будущего – загробную жизнь, в которой преступившему закон зачтутся земные страдания за совершенные злодеяния. Жестко (и даже жестоко) прижизненно наказывая за потворство нафсу (страстям), мусульманский правоприменитель отводит от человека адское пламя и приближает к божественной благодати.

Техно-гуманитарный баланс как имманентная составляющая социокультурной реальности предопределяет духовно-нравственный вектор развития современного общества. В какой мере мусульманское право, исповедующее, с одной стороны, любовь и милосердие, доброе и терпение, а с другой – грозные санкции за правонарушения, готово к трансформации в сторону либерализации ответственности, и замене возмездия, сконцентрированного в кисасе (воздаянии равным), цивилизованными средствами наказания?

Фикх и исламское финансирование

В современных условиях религиозная основа шариата и мусульманского права, несмотря на сложившиеся на протяжении веков религиозные и культурные императивы, претерпевает изменения под воздействием быстро растущей и развивающейся исламской экономики. Л. Р. Сюкияйнен при анализе источников исламского права подчеркивает отсутствие разделения религиозного и мирского начала при применении указанных норм, с отдельными редкими исключениями в части совершения имущественных сделок или регулирования отношений с немусульманами [17, с. 98 – 99; 18, с. 206]. Следует отметить, что в глобальной экономике это не препятствует немусульманам при соблюдении правил исламского права заключать соответствующие сделки.

Одним из направлений эволюции доктрины исламского права стало появление сферы исламского финансирования как специфической системы правовых норм, регулирующих на основе соблюдения предписаний ислама оказание банковских, страховых и консалтинговых услуг исламскими банками [19]. Исламские финансы – динамично растущая часть исламской экономики, интегрированная в мировую экономику и вовлекающая в эту сферу не только государства с исламской государственной религией, но и

светские страны [20, р. 37– 60]. К числу примеров можно отнести активное создание и деятельность исламских банков в Европе (в особенности в Великобритании) и отдельных странах СНГ (например, банк «Аль Халяль» в Республике Казахстан) [21, с. 474-495]. Наряду с этим исламское финансирование является одним из приоритетных направлений в деятельности международных финансовых центров, как существующих в мусульманских странах (ОАЭ, Катар, Саудовская Аравия), так и в светских государствах (КНР, Сингапур, Казахстан). Поскольку в структуре международного финансового центра создаются независимые третейские коммерческие суды и арбитражные центры, в случае разрешения судебных споров между сторонами (одной из которых может выступать исламский банк) [22] судьи могут руководствоваться правовыми нормами шариата (Дубай, ОАЭ) [23, с. 48 – 57], либо апеллировать к нормам общего права с сохранением правовой природы исламского финансирования (Гонконг, КНР; МФЦ Астана, Казахстан) [24, с. 150-152].

С учетом религиозных запретов в Коране и Сунне сделки заключаются участниками на основе предписаний фикха. Так, например, заключение исламского договора предполагает обязательную уплату ежегодного налога в пользу религиозной общины, использование части денежных средств на благотворительность (с соблюдением правила о запрете ссудного процента) [25, с. 26 – 8]. Сама структура договора в исламской экономике отличается от традиционного понимания финансовых сделок, в том числе при использовании ценных бумаг.

Поскольку запрет ссудного процента основывается на недопустимости извлечения дохода без вложения производительного труда, в исламском праве запрещается заключать договоры с использованием таких действий как *«гарар»* (введение в заблуждение), *«мейсир»* («азартная игра», т.е. запрет получения дохода от случайного стечения обстоятельств), и *«риба»* (буквально «право на доход обусловлено риском», т.е. запрет гарантированного ссудного процента) [25, с. 28 – 36].

Тем не менее, доктринальные положения фикха и признание судейского усмотрения позволяют арабским правоведам более гибко подходить к интерпретации религиозных предписаний ислама, что способствует активному встраиванию исламских финансовых и правовых институтов в глобальную экономику.

Принципы интеграции и роль права в исламской цивилизации

Сегодня мы являемся свидетелями обращения огромного числа мусульман к исламу как источнику идентичности, жизненного смысла, законности, развития, могущества и надежды. Исламское возрождение или исламский «ренессанс» по своему размаху и глубине – это попытка найти решение большинства современных проблем общественной и политической жизни не на путях западных моделей развития, а в исламе. И в первую очередь – это попытка «возвратить исламские законы на место западных».

Как же следует оценивать тенденцию к исламизации правовых систем в исламских странах? Является ли она всего лишь поверхностным признаком исламского пробуждения в жизни мусульман, наряду с повышенным вниманием к соблюдению религиозных обрядов, большим акцентом на исламскую одежду, распространением религиозных программ и публикаций или же эта тенденция затрагивает глубинные источники исламской цивилизации, т.е. присущие данной цивилизации убеждения и ценности? Глобальный вопрос требует глобального ответа.

По справедливому мнению большинства отечественных и зарубежных исследователей исламской цивилизации, вся история средневекового ислама определяется постоянным стремлением суннитских теологов как наиболее «ортодоксальной» части исламского общества, во-первых, отстаивать принцип универсализма против внутренних и внешних противников, во-вторых, реализовать в возможно большей степени религиозное, социальное и культурное единство всего исламского мира. Наиболее важными культурными ориентациями, утвердившимися в мусульманском мире, – не без основания замечает Ш. Эйзенштадт, – были не только «разделение между космической транс-

цедентной сферой и мирским порядком и возможность преодоления свойственной этому разделению напряженности через полную покорность Богу и в активизации посторонней деятельности – прежде всего в политической и в военной областях», но и «сильное универсалистское начало в определении мусульманской общности», «установление принципа автономного доступа всех членов общности к трансцендентному порядку, иначе говоря, возможность индивидуального спасения благодаря покорности Богу», «идеал уммы, политико-религиозной общности верующих, отделившейся от аскриптивных и изначальных форм социальности и образ правителя как оплота идеалов ислама, чистоты уммы и гаранта существования общности» [26, с. 187 – 188].

И здесь для реализации указанных принципов интеграции формирующейся исламской цивилизации потребовался огромный комплекс согласованных норм, обеспечивающих регулирование различных сфер общественной жизни и утверждение общепризнанных религиозных положений, хотя уже в Коране важнейшее место занимают практические вопросы регулирования социальных отношений и экономической и военной деятельности. Отсюда такие характернейшие особенности мусульманского права как цивилизационного механизма интеграции исламского общества.

В исламе, в отличие от общехристианских ценностей, нет принципиального различия между «священным» и «светским», «Божьим» и «кесаревым», «правом Божьим» и «правом человеческим», «законом» и «благодатью». Ислам видит источник власти только в Божественном Законе, который понимается как всеобъемлющая онтологическая религия, раз и навсегда открытая основателем учения, воплощенная прежде всего в праве, теологии, этике, политических структурах, семейных институтах и т.д. и не подлежащая изменению – чтобы на веки вечные, вопреки любым превратностям, сохранялась связь с идеальной, первоначальной моделью.

В этой связи следует обратиться к широко используемой исламской юриспруденцией системе доводов, основанной на суждениях о справедливости, общественной пользе и всеобщем благе, где телеологические (относящиеся к целям) и деонтологические (относящиеся к характеру действий) этические оправдания способствуют формированию суждений о том, что есть добро и зло, без необходимости обращаться в каждом конкретном случае к самому «божественному откровению» для оценки того или иного нравственно-правового решения. Мусульманские правоведы всегда высоко ценили разнообразие, гибкость и практичность в подходах к мусульманскому праву, сознавая необходимость интерпретации духовных текстов, используемых для принятия судебных решений, и понимали, что с учетом конкретных обстоятельств следует смягчать строгость юридических положений Корана и Сунны в уникальных ситуациях, создававшихся чудовищными столкновениями между исламом и христианством, характерными для двух первых веков политической истории ислама.

Многие современные исламские ученые-правоведы убеждены в том, что Коран действительно содержит положения, рассматривающие религиозный плюрализм как предписанную Богом систему человеческого сосуществования, что критический взгляд на утверждаемые во имя исламской нормативно-правовой традиции неравенство мужчины и женщины, небрежение правом на жизнь, человеческими возможностями и опытом, дает исламским исследователям возможность заново утвердить гуманитарные ценности в их «истинно исламском контексте» и восстановить равновесие между ними и такими категориями как национальные интересы, приоритеты и традиции.

Межцивилизационная коммуникация – это не конфронтация идей. Поскольку ислам играет все более важную роль в современном мире, необходимо включиться в диалог с его нормативно-правовыми традициями, с тем, чтобы разработать основания межкультурного взаимодействия, соответствующие требованиям XXI века. И тогда, быть может, будет осознано, что, хотя исламские и европейские страны следовали разными путями к цели развития, на самом деле она у них одна, и их пути во многих местах пересекаются.

Правовая трансформация Северного Кавказа под влиянием религиозных и правовых норм

В последние годы заметно расширилось обсуждение некоторых тенденций взаимоотношений права и религии в республиках Северного Кавказа. Отмечается, в частности, преобладание за пределами этого региона стереотипов, связанных прежде всего с представлениями об отсталости, архаичности многих сторон жизни Северного Кавказа. Российское право нередко противопоставляется местному обычному праву или адату. Предпринимаются попытки использовать отдельные нормы исламского права в данном регионе.

По мнению таких экспертов по Северному Кавказу как В. О. Бобровников, Н. Нефляшева, В.А. Шнирельман и А. А. Ярлыкапов в постсоветский период в северокавказском обществе сформировался правовой плюрализм, в рамках которого причудливым образом сосуществуют и конкурируют нормы светского права, адата и мусульманского права. Здесь светские и религиозные правовые традиции и нормы имеют множество социокультурных и этно-конфессиональных пластов и находятся в непрерывных изменениях. Иногда данный процесс называют «стихийной модернизацией».

С религиозно-правовой точки зрения Северный Кавказ делится по меньшей мере на три субрегиона:

1. Дагестан, Ингушетия и Чечня, на территории которых ислам, в разных его изводах и конкурирующих между собой шейхов, нередко представляет собой образ жизни и нормы поведения значительной части населения региона;

2. Центральный Кавказ, где смягченный ислам тесно взаимодействует с православными общностями осетин и моздокских кабардинцев;

3. Западный Кавказ, на территории которого проживающие в нем адыги, балкарцы, карачаевцы, ногайцы и другие группы, обладают особыми этно-религиозными и этическими нормами поведения.

Как отмечают авторы исследовательского проекта Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара и РАНХиГС, «это общество на переломе, переживающее драматичный, но совершенно не уникальный период разложения традиционной системы отношений и институтов. ...Нетрадиционный ислам выражает НЕ стремление архаичных, отсталых социумов к возврату в Средневековье. Скорее, это ответ на те вызовы, с которыми сталкивается молодежь региона в условиях разложения традиционного общества, ответ, в котором смешиваются черты архаики и модерна» [27, с. 104].

Литература

1. *Малик М.* Правовые режимы меньшинств: адаптация религиозного права в западных демократиях // Государство. Религия. Церковь. 2013. № 3.
2. *Пэнто Р., Гравитц М.* Методы социальных наук / Пер. с фр. С. В. Боботова, Ю. А. Глазова. М.: Прогресс, 1972. 607 с.
3. *Четвернин В. А.* Либертарно-институциональная концепция права // Неклассическая философия права: вопросы и ответы / Под общ. ред. А. В. Стовба. Харьков: ІнЮре, 2013. 272 с.
4. *Гуревич П. С.* Религиоведение: Учебник для бакалавров. 3-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2014. 574 с.
5. *Вегас Х. М.* Основы христианской этики. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; Изд-во Рус. христ. гуманит. Академии, 2007. 171 с.
6. *Хабермас Ю.* Вера и знание. Раздел «Наследственный спор между философией и религией» // URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Haberm/Ver_Znan.php (дата обращения: 09.04.2018).
7. *Назаретян А. П.* Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М.: Аргамак-Медиа, 2015. 512 с.

8. *Рассел Б.* Почему я не христианин / Пер. с англ. И. З. Романова. М.: Политиздат, 1987. 340 с.
9. *Ясперс К.* Истоки истории и ее цель / Пер. с нем. М. И. Левиной. Выпуск 1, 2 / Пер. с нем. М. И. Левиной. М.: АН СССР, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН), 1978. 210 + 211 с.
10. *Брестовицкая Н. М.* Свобода слова: истоки и эволюция проблемы. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та. 2005. 264 с.
11. *Зорькин В. Д.* Цивилизация права и развитие России. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма:ИНФРА-М, 2016. 416 с.
12. *Хабермас Ю.* Расколотый Запад / Пер. с нем. О. Величко и Е. Петренко. М.: Весь мир, 2008. 192 с.
13. *Хабермас Ю., Ратцингер Й.* (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии / Пер. с нем. В. Витковского (Серия «Современное богословие»). М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. 112 с.
14. *Бачинин В. А.* Секуляризация морали как социокультурная реальность // URL: www.gazetaprotestant.ru > Аналитика. 2011 (дата обращения: 09.04.2016).
15. *Сюкияйнен Л. Р.* Особенности исламской культуры: взаимодействие права и религии // URL: http://www.igpran.ru/events/27.03.2018/Sjukijajnen%20_thesises_IGP_RAN_27.03.2018.pdf (дата обращения 09.04.2018).
16. *Кимелев Ю. А.* Современная западная философия религии. М.: Мысль, 1989. 285 с.
17. *Сюкияйнен Л. Р.* Исламское право в правовых системах мусульманских стран: от доктрины к законодательству // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 2.
18. *Сюкияйнен Л. Р.* Конституционный статус шариата как источника законодательства в арабских странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4.
19. *Dahlia El-Hawary, Wafik Grais, Zamir Iqbal.* Regulating Islamic Financial Institutions: The Nature of the Regulated // World Bank Policy Research Working Paper 3227, March 2004 URL: <http://www.worldbank.com> (дата обращения: 09.04.2018).
20. *Munir M.* Islamic International Law (Siyar): an Introduction // Hamdard Islamicus. 2012. Vol. XXXX, № 4.
21. *Осипов Е. Б.* Правовое регулирование исламского финансирования в Республике Казахстан // Гражданское право и гражданское законодательство: Материалы межд. конф. Отв. ред. М.К. Сулейменов. Алматы: НИИ частного права КазГЮУ, 2009.
22. *Kutty Faisal.* The Shari'A Law Factor in International Commercial Arbitration (April 17, 2006). URL: <https://ssrn.com/abstract=898704> (дата обращения: 09.04.2018).
23. *Федчук В. Д.* Исламские финансовые инструменты и право: применение норм шариата судами Англии и ОАЭ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2.
24. *Дидикин А. Б.* Правовой статус и перспективы формирования международного финансового центра «Астана» со специальной юрисдикцией // Евразийский юридический журнал. 2017. № 7.
25. *Журавлев А. Ю.* Исламский банкинг / Научн. ред. А.О. Филоник. М.: ООО Садра, 2017. 232 с.
26. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А. В. Гордона под ред. Б. С. Ерасова. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.
27. *Стародубровская И. В.* Трансформация Северного Кавказа: от традиционного общества к современному // Pro et Contra. 2014. № 1– 2.

Smirnov William Victorovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Theory of Law and State Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (10, st. Znamenka, Moscow, 119019, Russian Federation). E-mail: wvsmirnov@gmail.com.

Agamirov Karen Vladimirovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Department of the Theory of Law and State, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (10, st. Znamenka, Moscow, 119019, Russian Federation).

E-mail: agamirow@yandex.ru.

Gabrelyan Emil Vachaganovich, Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher, Department of the Theory of Law and State, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (10, st. Znamenka, Moscow, 119019, Russian Federation).

E-mail: g.e.v@list.ru.

Didikin Anton Borisovich, Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Department of the Theory of Law and State, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (10, st. Znamenka, Moscow, 119019, Russian Federation).

E-mail: abdidikin@bk.ru.

Dorovskikh Elena Mitrofanovna, Candidate of Legal Sciences, Researcher, Department of the Theory of Law and State, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (10, st. Znamenka, Moscow, 119019, Russian Federation).

E-mail: dorovlena@yandex.ru

Lapayeva Valentina Victorovna, Doctor of Law, Chief Researcher, Department of the Theory of Law and State, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (10, st. Znamenka, Moscow, 119019, Russian Federation).

E-mail: lapaeva07@mail.ru

Orlova Olga Victorovna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Department of the Theory of Law and State, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (10, st. Znamenka, Moscow, 119019, Russian Federation).

E-mail: postorlova@yandex.ru.

Pligin Vladimir Nikolievich, Candidate of Legal Sciences, , Leading Researcher, Department of the Theory of Law and State, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (10, st. Znamenka, Moscow, 119019, Russian Federation).

E-mail: plvlad1@mail.ru.

Polenina Svetlana Vasilyevna, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Department of the Theory of Law and State, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (10, st. Znamenka, Moscow, 119019, Russian Federation).

E-mail: s.polenina@mail.ru.

Skurko Elena Vyacheslavovna, Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher, Department of the Theory of Law and State, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (10, st. Znamenka, Moscow, 119019, Russian Federation).

E-mail: skourko@mail.ru.

Startsun Victor Nikolievich, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Department of the Theory of Law and State, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (10, st. Znamenka, Moscow, 119019, Russian Federation). E-mail: startsun_@mail.ru.

Supatayev Murat Abdikasimovich, Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher, Department of the Theory of Law and State, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (10, st. Znamenka, Moscow, 119019, Russian Federation).

E-mail: supataev@list.ru.

INTERRELATIONSHIP OF THE LAW AND RELIGION IN THE MODERN WORLD
(ON THE EXAMPLE OF ISLAM AND OTHER WORLD RELIGIONS)

Abstract

In article distinction and interrelationship of legal and religious norms, a role of world religions in development of legal systems of the modern states, features of the Muslim legal doctrine and value of the Islamic law in crosscivilization communication are investigated. As Islam is an important factor of modern world order, it is necessary to develop dialogue with its standard and legal traditions and to develop the bases of cross-cultural interaction conforming to requirements of time.

Keywords: law, religion, distinction and interference of legal and religious norms, socionormative system, Islam, Islamic law, Sharia, fiqh, Islamic finance, crosscivilization communication.

УДК 340.11

DOI: 10.22394/2074-7306-2018-1-2-22-27

ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ:
ПОНЯТИЕ, КАТЕГОРИЯ, КОНЦЕПТ В ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

**Зинков
Евгений
Геннадьевич**

доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, «Российский государственный университет правосудия», Северо-Кавказский филиал (350002, Россия, г. Краснодар, ул. им. Леваневского, 187/1)
E-mail: ezinkov@mail.ru

Аннотация

В научной статье рассматриваются вопросы последовательности построения правового конструкта «правовая действительность», создающегося пространства правовой реальности, связанные с определением смыслового содержания правовых терминов, участвующих в формировании правового пространства, и нашедших применение в практической сфере деятельности отраслей права.

Ключевые слова: правовая реальность, правовая действительность, правовое пространство, правовой концепт, правовая категория, правовое понятие, вещь в праве.

Понятию «правовая реальность» так или иначе в прошлом столетии были посвящены научные труды таких российских и зарубежных мыслителей права, как Н. Н. Алексеев, Д. Д. Гримм, Н. Л. Дювернуа, И. А. Ильин, Б. А. Кистяковский, С. А. Муромцев, П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий, Е. В. Спекторский, Е. Н. Трубецкой, Б. Н. Чичерин, Г. Ф. Шершеневич, Г. Л. А. Харт [1], О. Хёффе и ряд других авторов. Указанная тема и по сей день будоражит умы наших современных правоведов.

Однако вот что об этом явлении заявил С. Л. Слободнюк: «о проблемах правовой реальности нередко пишут либо философы, увлекшиеся правом, либо правоведы, нечаянно попавшие в непроходимые философские чащобы» [2, с. 345]. А от этого страдает научная истина, так как понятие «правовая реальность», «служба двум господам», в лице теории права и онто-гносеологии права, плохо служит и той, и другой, оформляясь не то в правовую реальность, не то в правовую действительность, или вообще во что-то иное, не имеющее логического решения, становясь онтологической головоломкой.

Для того, чтобы разобраться во всем многообразии мнений по вопросу, что же на самом деле есть правовая реальность, мы проведем собственное исследование.

Итак, взяв во внимание тот факт, что на протяжении многих столетий юриспруденция создала внутри себя свое собственное концептуальное правовое пространство,

* По просьбе автора статья печатается в авторской редакции.